

В.В. Розанов

**Апокалипсис нашего
времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В.В. Розанов
В11 Апокалипсис нашего времени / В.В. Розанов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-2943-8

Творческое наследие русского мыслителя, писателя и публициста Василия Розанова удивляет своим масштабом и многогранностью.

Его оригинальные и нетрадиционные взгляды на историю, религию, мораль, литературу вызвали яростную полемику современников. В годы Советской власти имя Розанова было предано забвению, его труды не печатались, творчество не привлекало внимания исследователей. Между тем аналогов работ Василия Розанова не существует и в наши дни - это писатель совершенно особенный, способный видеть абсолютное в текущем, не связывающий свои мысли литературными и политическими пристрастиями, умеющий быть по-настоящему свободным.

ISBN 978-5-4241-2943-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© В.В. Розанов, 2022

Василий Васильевич Розанов
АПОКАЛИПСИС НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

№ 1

К ЧИТАТЕЛЮ

Мною с 15 ноября будут печататься двухнедельные или ежемесячные выпуски под общим заголовком: "Апокалипсис нашего времени". Заглавие, не требующее объяснения, ввиду событий, носящих не мнимо апокалипсический характер, но действительно апокалипсический характер. Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Все потрясено, все потрясены. Все гибнут, все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания.

Выпуски будут выходить маленькими книжками.

Склад в книжном магазине М. С. Елова, Сергиев Посад, Московск. губ.

РАССЫПАННОЕ ЦАРСТВО

Филарет Святитель Московский был последний (не единственный ли?) великий иерарх Церкви Русской... "Был крестный ход в Москве. И вот все прошли, — архиереи, митрофорные иереи, купцы, народ; пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви.

Все кончилось, почти... И вот поодаль от последнего народа шел он. Это был Филарет".

Так рассказывал мне один старый человек. И прибавил, указывая от полу — на крошечный рост Филарета:

— "И я всех забыл, все забыл: и как вижу сейчас — только его одного".

Как и я "все забыл" в Московском университете. Но помню его глубокомысленную подпись под своим портретом в актовом зале.

Слова, выговоры его были разительны. Советы мудры (императору, властям). И весь он был великолепен.

Единственный...

Но что же "опреж того" и "потом"? — незаметное, дробно. "Мы их видели" (отчасти). Nota bene. Все сколько-нибудь выдающиеся были уже с "ересью потаенною". Незаметно, безмолвно, но с ересью. Тогда — как Филарет был "во всем прав".

Он даже Синод чтит. Был "сознательный синодал". И Николая Павловича чтит — хотя от него же был "уволен в отпуск от Синода и не появлялся никогда там". Тут — не в церкви, но в императорстве — уже совершился или совершался перелом, надлом. Как было великому Государю, и столь консервативному, не сделать себе ближним советником величайший и тоже консервативный ум первого церковного светила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочам. Прав этот бес Гоголь.

Между тем Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Филарет — какое осияние Царства.

Но Николай хотел один сиять "со своим другом Вильгельмом-Фридрихом" которым-то.

Это был плоский баран, запутавшийся в терновнике и уже приуточенный к закланию (династия).

И вот рушилось все, разом, царство и церковь. Попам лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснее, чем царство. Царь выше духовенства. Он не ломался, не лгал. Но, видя, что народ и солдатчина так ужасно отrekliсь от него, так предали (ради гнусной распутинской истории), и тоже — дворянство (Родзянко), как и всегда фальшивое «представительство», и тоже — и "господа купцы", — написал просто, что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно.

"Я человек хотя и маленький, но у меня тоже 32 ребра" ("Детский мир").

Но Церковь? Этот-то Андрей Уфимский? Да и все. Раньше их было "32 иерея" с желанием "свободной церкви" "на канонах поставленной". Но теперь все 33333...2...2...2...2 иерея и под-иерея и сверх-иерея подскочили под социалиста. Под жиды и не под жиды; и стали вопиять, глаголать и сочинять, что "церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической" и что особенно она уж никогда не была монархической, а вот только Петр Великий "принудил нас лгать".

Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже "Новое Время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая "Великого переселения народов". Там была — эпоха, "два или три века". Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 "и такой серьезный", Новгородской губернии, выразился: "Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть". Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо порусски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому "серьезному мужичку".

Вот и Достоевский...

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и "Война и мир".

Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезен никто не был, и, в сущности, цари были серьезнее всех, так как даже Павел, при его способностях, еще «трудился» и был рыцарь. И, как это нередко случается, — "жертвою пал невинный". Вечная история, и все сводится к Израилю и его тайнам. Но оставим Израиля, сегодня дело до Руси. Мы, в сущности, играли в литературу. "Так хорошо написал". И все дело было в том, что "хорошо написал", а что «написал» — до этого никому дела не было. По содержанию литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этот народ хотя научили гвоздь выковывать, серп исполнить, косу для косьбы сделать ("вывозим косы из Австрии", — география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, "как они любили" и "о чем разговаривали". И все «разговаривали» и только «разговаривали», и только «любили» и еще "любили".

Никто не занялся тем (и я не читал в журналах ни одной статьи — и в газетах

тоже ни одной статьи), что в России нет ни одного аптекарского магазина, т. е. сделанного и торгуемого русским человеком, — что мы не умеем из морских трав извлекать йоду, а горчишники у нас «французские», потому что русские всецеловеки не умеют даже намазать горчицы разведенной на бумаге с закреплением ее «крепости», «духа». Что же мы умеем? А вот, видите ли, мы умеем «любить», как Вронский Анну, и Литвинов Ирину, и Лежнев Лизу, и Обломов Ольгу. Боже, но любить нужно в семье; но в семье мы, кажется, не особенно любили, и, пожалуй, тут тоже вмешался чертов бракоразводный процесс ("люби по долгу, а не по любви"). И вот церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это кстати, и "по закону"...

КАК МЫ УМИРАЕМ?

Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти.

Смерть, могила для 1/6 части земной суши. "Простое этнографическое существование для бывшего Русского Царства и империи", о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то "полабские славяне", в которых преобразуется былая Русь.

"Былая Русь"... Как это выговорить? А уже выговаривается.

Печаль не в смерти. "Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел". Т. е. когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна.

Если нет смерти человека "без воли Божией", то как мы могли бы допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная "без воли Божией"? И в этом весь вопрос. Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца. "Уйдите, ненужные люди".

Почему мы "ненужные"?

Да уж давно мы писали в "золотой своей литературе": "Дневник лишнего человека",

"Записки ненужного человека". Тоже — "праздного человека". Выдумали «подполья» всякие... Мы как-то прятались от света солнечного, точно стыдясь за себя.

Человек, который стыдится себя? — разве от него не застыдится солнце? — Солнышко и человек — в связи.

Значит, мы "не нужны" в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небытие.

Могила.

Мы умираем как фанфароны, как актеры. "Ни креста, ни молитвы". Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы — то это у русских. И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть — и мы сбросили крест. "Просто, как православным человеком русский никогда не живал". Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно "в баню сходили и окатились новой водой". Это — совершенно точно, это действительно, а не дикий кошмар.

Собственно, отчего мы умираем? Нет, в самом деле, — как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины:

неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько "солнышко нас

гонит", сколько мы сами гоним себя. "Уйди ты, черт".

Нигилизм... Это и есть нигилизм, — имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, — имя, в которое он раскрестился.

— Ты кто? блуждающий в подсолнечной?

— Я нигилист.

— Я только делал вид, что молился.

— Я только делал вид, что живу в царстве.

— На самом деле — я сам себе свой человек.

— Я рабочий трубочного завода, а до остального мне дела нет.

— Мне бы поменьше работать.

— Мне бы побольше гулять.

— А мне бы не воевать.

И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.

— Земля — она должна сама родить. И уходит от земли.

— Известно, земля Божия. Она всем поровну.

Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обагришь ее кровью.

Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя. Вот нигилизм и его формула.

И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен.

Замечательно, что мы уходим в землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные:

помните, этот август месяц, и встречу Царя с народом, где было все притворное? И победы, — где самая замечательная была победа казака Крючкова, по обыкновению отрубившего семь голов у немцев. И это меньшиковское храброе — "Должны победить". И Долиной — победные концерты, в цирке Чинизелли и потом в Царском. Да почему "должны победить"? Победа создается не на войне, а в мирное время. А мы в мирное время ничего не делали, и уж если что мы знали хорошо, то это — то, что равно ничего не делаем. Но дальше — еще лучше. Уж если чем мы упились восторженно, то это — революцией.

"Полное исполнение желаний". Нет, в самом деле: чем мы не сыты. "Уж сам жаждущий когда утолился, и голодный — насытился, то это в революцию". И вот еще не износил революционер первых сапогов — как трупом валится в могилу. Не актер ли? Не фанфарон ли? И где же наши молитвы? и где же наши кресты? "Ни один поп не отпел бы такого покойника".

Это колдун, оборотень, а не живой. В нем живой души нет и не было.

— Нигилист.

О нигилистах панихид не правят. Ограничиваются: "Ну его к черту".

Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

1/6 часть суши. Упоенная революция, как упоенна была и война. "Мы победим". О, непременно. Так не есть ли это страшный факт, что 1/6 часть суши как-то все произрашала из себя "волчцы и тернии", пока солнышко не сказало: "Мне не надо тебя". "Мне надоело светить на пустую землю".

Нигилизм. — "Что же растет из тебя?"

— Ничего.

Над «ничего» и толковать не о чем.

— Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважает себя.

Это понятно. Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас с себя, планета сбросила.

По заслугам ли?

Слишком.

Как 1000 лет существовать, прожить княжества, прожить царство, империю, со всеми прийти в связь, надеть плюмажи, шляпу, сделать богомольный вид: выручаться, сояственно, — выручать самого себя «нигилистом» (потому что по-нормальному это ведь есть ругательство) и умереть.

Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду.

"На самом же деле это был беглый актер из провинциального театра".

* * *

Самое разительное и показующее все дело, всю суть его, самую сутенку — заключается в том, что "ничего, в сущности, не произошло". "Но все — рассыпалось". Что такое совершилось для падения Царства? Буквально, — оно пало в будень. Шла какая-то «середа», ничем не отличаясь от других. Ни — воскресенье, ни — субботы, ни хотя бы мусульманской пятницы. Буквально, Бог плюнул и задул свечку. Не хватало провизии, и около лавочек образовались хвосты. Да, была оппозиция. Да, царь скапризничал. Но когда же на Руси «хватало» чего-нибудь без труда еврея и без труда немца? когда же у нас не было оппозиции? и когда царь не капризничал? О, тоскливая пятница или понедельник, вторник...

Можно же умереть так тоскливо, вонюче, скверно. — "Актер, ты бы хоть жест какой сделал. Ведь ты всегда был с готовностью на Гамлета". "Помнишь свои фразы? А то даже Леонид Андреев ничего не выплюнул. Полная проза".

Да, уж если что "скучное дело", то это — "падение Руси".

Задуло свечку. Да это и не Бог, а ... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо.

Мерзко. "Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль".

№ 2

Удобнее для читателя и меня, если "Апокалипсис нашего времени" я переведу в форму журнала, — однако не предполагая его издавать долго. Ограничиваясь пока мыслью дать всего десять номеров, я прошу желающих подписаться на него выслать подписную сумму, 3 руб. 50 коп., по адресу: Сергиев Посад, Московская губерния, Красюковка, Полевая улица, д. свящ. Беляева, В. В. Розанову.

Пересылку по почте принимает на себя автор-издатель. Имя, фамилия и точный адрес подписчика должны быть написаны четко.

МОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

Я прочел в "Новом Времени", в передовой статье, что "с Германиею Россия может заключить мир хоть сейчас, если уступит ей Курляндию и Лифляндию с Ригою, и еще некоторые части отечественной территории". Думаю, что это из тех опасных иллюзий, за которые мы вообще уже столько заплатились. Не будем даже вспоминать слова Бисмарка, что "побежденному победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать". Это совсем не нужно, т. е. припоминаний о Бисмарке. Но нельзя представить себе, чтобы Германия, потеряв, во всяком случае, несколько миллионов не населения вообще, а той отборной части населения, которую образует армия, удовлетворилась крошечною територією, с таким же числом только населения. Нельзя вообще представить себе, чтобы Германия подъяла войну такой страшной опасности и риска, такой невероятной тяжести, ради расчета на такое смехотворное приобретение. Несомненно, она только успокаивает нас иллюзией мира: и почти это входит в состав ее жестокости. Как это нужно и для побалованья и духовного обмана глупых российских социалистов. Как последний аргумент своей мысли, я беру то, что для Германии, — оставь она целою Россию и, так сказать, способною к выздоровлению, — она, конечно, еще никогда не увидит ее столь беззащитною, с армиею, которая просто кидает оружие и уходит домой. И воображать, что Германия не разработает этот исключительный, этот невероятный случай, никогда ей и не мечтавшийся, со всем богатством возможностей, со всем обилием плода, — это просто показывает, что мы совершенные дети в политике.

Я имею самые печальные предчувствия. Я думаю, она разработает дело в смысле уже бывшего факта, такого же: именно — как было некогда завоевание Англии норманнами. И

Вильгельм, не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, с заключением на о-ве Св. Елены, манится гораздо более удачным жребием второго Вильгельма Завоевателя.

Конечно, — после Петрограда он двинется на Москву, на Волгу и завоюет именно Великороссию, как центр "Всея Руси", после чего захватит и Малороссию с Новороссией, — причем ему и вознаградить союзника будет из чего. Мы вообще стоим перед фактом завоевания России, покорения России, — к чему препятствий ведь нет. А таковое отсутствие препятствий к покорению России, конечно, никогда на протяжении всей германской истории не повторится. И это не трудно предвидеть, предсказать; и это в Берлине предвидится так же хорошо, как — если бы были позорче люди в Петрограде — можно было бы предвидеть и в

Петрограде.

Защита Англии и Франции? Это так далеко. Не десант же им делать. Да и Германия теперь десанта уже не пропустит. Это вполне в ее власти, при владении проливами около Эзеля и Даго. Да, освободив часть армии из России, она предоставит такую угрозу и самой Франции и Англии, с какою им справиться будет чрезвычайно трудно. А, во всяком случае, через самое небольшое число лет, обогатившись всеми средствами России и, между прочим, пользуясь и ее людским матерьялом (вот у немцев русские солдаты и бывшие социалисты пойдут в сражения!), Германия, несомненно, расправится и с Франциею, и с Англиею, и с Италиею. И моя почти шутливая игра воображения в "Итальянских впечатлениях" — "Возможный гегемон Европы" (отдельная глава) — осуществится. Уже тогда было что-то такое в Берлине, что-то носилось в самом воздухе, по чему чувствовалось это. Да и песенка: "Deutschland, Deutschland — uber alles", может быть, была не столько реально-глупою, сколько выверенно-пророчественною, сколько жадным аппетитом, Германский волк зол и толст. И нашей бедной России, стоящей перед ним таким пушистым ягненком, он не пощадит. А ягненок совершенно беззащитен.

Хороши же социалисты и вообще всероссийская демократия: скормить, все отечество скормить лютейшему врагу. Скормить не в переносном смысле, а в буквальном. Но нельзя не сказать: хороши и "лучшие люди России", начинавшие революцию в такую роковую войну и, как оказалось потом, ничего решительно не предвидевшие. Ленин и социалисты оттого и мужественны, что знают, что их некому будет судить, что судьи будут отсутствовать, так как они будут съедены. (Октябрь.)

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции, — и о прогнившем насквозь Царстве, — которые воистину стоят друг друга. И — вернуться к временам стройным, к временам ответственным, к временам страшным...

Вот — Апокалипсис... Тайнственная книга, от которой обжигается язык, когда читаешь ее, не умеет сердце дышать... умирает весь состав человеческий, умирает и вновь воскресает...

Он открывается с первых же строк судом над церквями Христовыми, — теми, которые были в Малой Азии, в Лаодикии, в Смирне, в Фиатире, в Пергаме и других городах. Но, очевидно, не Лаодикия, не Пергам и проч., лежащие ныне в руинах, на самом деле имеют значение для "последних времен", какие имел в виду писатель странной книги. Но он рассмотрел посаженное Христом дерево и уловил с неизъяснимою для себя и для времени глубиною, что оно — не Дерево жизни; и предрек его судьбу в то самое время, в которое церкви только что зарождались.

Никакого нет сомнения, что Апокалипсис — не христианская книга, а — противохристианская. Что «Христос», упоминаемый — хотя немного — в нем, "с мечом, исходящим из уст его" и с ногами "как из камня сардиса и халкедона", — ничего же не имеет общего с повествуемым в Евангелиях Христом. В устройении Неба — ничего же общего с какими бы то ни было представлениями христианами. Вообще — "все новое"...

Тайнозритель Сам, волею своею и вспомошествоюще ему Божиею волею, —

срывает звезды, уничтожает землю, все наполняет развалинами, все разрушает: разрушает — христианство, странным образом "плачущее и вопиющее", бессильное и никем не вспомоществуемое. И — сотворяет новое, как утешение, как "утертые слезы" и "облечение в белые одежды". Сотворяет радость жизни, на земле, — именно на земле, — превосходящую какую бы то ни было радость, изжитую в истории и испытанную человечеством.

Если же окинуть всю вообще компоновку Апокалипсиса и спросить себя: — "да в чем же дело, какая тайна суда над церквями, откуда гнев, ярость, прямо рев Апокалипсиса" (ибо это книга ревущая и стонущая), то мы как раз уткнемся в наши времена: да — в бессилии христианства устроить жизнь человеческую, — дать "земную жизнь", именно — земную, тяжелую, скорбную. Что и выразилось к нашей минуте, — именно к нашей, теперешней... в которую "Христос не провозит хлеба, а — железные дороги", выразимся уже мы цинично и грубо. Христианство вдруг все позабыли, в один момент, — мужики, солдаты, — потому что оно не вспомоществует; что оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы. И только все поет, и только все поет. Как певичка. "Слушали мы вас, слушали. И перестали слушать".

Ужас, о котором еще не догадываются, больше, чем он есть: что не грудь человеческая сгноила христианство, а христианство сгноило грудь человеческую. Вот рев Апокалипсиса. Без этого не было бы "земли новой" и "неба нового". Без этого не было бы вообще Апокалипсиса.

Апокалипсис требует, зовет и велит новую религию. Вот его суть. Но что же такое, что случилось?

Ужасно апокалипсично ("сокровенно"), ужасно странно: что люди, народы, человечество — переживают апокалипсический кризис. Но что само христианство кризиса не переживает. Это до того очевидно, до того читается в самом Апокалипсисе, вот "в самых этих его строках", что поразительно, каким образом ни единый из читателей и бесчисленных толкователей этого совершенно не заметил. Народы "поют новую песнь", утешаются, облакаются в белую одежду и ходят "к древу жизни", на "источники вод". Куда ни папы, ни прежние священники вовсе никого не водили.

Блудницы вопиют. Первосвященники плачут. Цари стонут. Народы извиваются в муках:

но — остаток от народа спасается и получает величайшее утешение, в котором, однако, ни одной черты христианского, — христианского и церковного, — уже не сохраняется.

Но что же, что же это такое? почему Тайнозритель так очевидно и неоспоримо говорит, что человечество переживет "свое христианство" и будет еще долго после него жить:

судя по изображению, ничем не оканчивающемуся, — бесконечно долго, "вечно".

Проведем параллели:

Евангелие — рисует.

Апокалипсис — ворочает массами, глыбами, творит.

В образах, которые силою превосходят евангельские картины, а красотой не уступают им, и которые пронзительны, кричат и вопиют к небу и земле, он говорит, что еще не перешедшие за городки Малой Азии церковки, — первые общи-